
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ОБ ОДНОМ ФРАНЦУЗСКОМ ПРОЧТЕНИИ РУССКОГО ФИЛОСОФСКОГО ТЕКСТА

© 2014 г. Н. И. Голубева-Монаткина

В статье показана возможность и необходимость таких изменений информационной структуры текста книги С.Н. Булгакова “Философия имени” при переводе на французский язык, которые облегчают восприятие современными иностранными читателями русского философского наследия.

The article argues for appropriateness of certain changes made in the informational structure of the French translation of Sergei N. Bulgakov’s book *Philosophy of the Name*, since these changes make it easier for contemporary foreign readers to take grasp of the Russian philosophical heritage.

Ключевые слова: С.Н. Булгаков, “Философия имени”, русский философ, русский философский текст, рецепция философского текста.

Key words: Sergei N. Bulgakov, “Philosophy of the Name”, Russian philosopher, Russian philosophical text, philosophical texts’ reception.

Известна роль перевода в формировании философских концепций в Европе: “Каждая из нынешних развитых европейских философий <...> складывалась в проработке концептуального опыта другого: в процессе перевода священных текстов, классических философских текстов, расшифровки и истолкования – как условий непосредственного, соседского и более глубокого, духовного и культурного взаимодействия” [1, с. 424]. Что касается России, то “специфика развития русской философии – с точки зрения вопроса о формировании понятийного языка и средств мысли – заключалась в том, что предметом, на котором впервые пробудилось рефлексивное отношение к предмету и потребность в формировании осознанной мысли о нем, стала литература, а не наука, как это было в Европе. И произошло это одновременно с творческим усвоением и пересозданием гениями Пушкина и Жуковского европейского романтизма” [2, с. 517].

Неодинаковость философского языка (его можно понимать как “систему средств организации мысли, которая существует по определенным правилам”, и “систему языковых средств со своей лексикой, грамматикой, синтаксисом”) осложняет философскую коммуникацию. Философия “воплощается в материальности языка и его означающих механизмов”, она построена в национальном языке: “Хайдеггер <...> родился в своем родном немецком языке, и Биbihин, переводчик Хайдеггера, родился в своем родном русском языке” [3, с. 16–17, 25].

Рождение и бытование философии в национальном языке обуславливает появление проблемы рецепции – “слов, понятий, концепций <...> восприятие работ русских мыслителей (Бахтина, Лотмана или Выготского) тоже зависит от качества переводов и комментариев, от механизмов и обстоятельств межкультурной рецепции” [2, с. 19].

Проблема рецепции имеет и другой аспект: «<...> традиции прочтения того или иного философского явления за рамками региона распространения того или иного “оригинального языка” оказываются трудными для тех, кто на этом языке говорит и думает: так, в Германии скептически встречают французские прочтения Хайдеггера, а на французские прочтения Витгенштейна германоязычные или англоязычные специалисты вообще не обращают внимания, будто их не существует» [3, с. 325].

Как преодолеть проблемы рецепции и обеспечить осуществление философской коммуникации? Каким должен быть переводчик текстов философии? Вот один из возможных ответов: “<...> квалификацией для участия в издании памятников мысли должно быть сочетание профессионального знания темы, поглощенность ею в качестве основного занятия и литературное мастерство <...> . Он (переводчик. – Н. Г.-М.) выступает полноправным и единственным заместителем возрождаемого им выдающегося, редкостного или гениального философского ума <...> . Перевод

единичен и заменим только лучшим переводом. Его создатель, недаром именуемый тоже автором, проходит по всем тайным, не сразу видимым ходам умолкнувшей мысли и один рассказывает об этом пути, заставляя поневоле верить себе” [4, с. 187–188].

Рассмотрение французского перевода “Философии имени” С.Н. Булгакова в сравнении с оригинальным текстом дает возможность выявить некоторые из тех свойств переводного текста, которые способны обеспечить современному франкоязычному читателю восприятие русского философского наследия XX века.

* * *

Прежде всего, нужно обратиться к адресантам обоих текстов – ведь о том, что обусловленная своей эпохой личность пишущего тот или иной текст отражается в этом тексте, известно давно, а сам этот феномен появился еще в европейской античности, с возникновением как личности, которая создавала “литературные” тексты, так и самой литературы: «Но что же это такое – личность, понятая объективно, чужое “я”, наблюдаемое и описываемое как вещь? Греки ответили на это одним словом: *“характер”* (χαρακτήρ). Слово это по исходному смыслу означает либо вырезанную печать, либо вдавленный оттиск этой печати, стало быть, некий резко очерченный и неподвижно застывший пластичный облик, который легко без ошибки распознать среди всех других <...>. Понятию индивидуального характера строго соответствует понятие индивидуального стиля; по-гречески оба эти понятия покрываются термином *χαρακτήρ* <...>. Слово выражает индивидуальность автора и потому само индивидуально, оно запечатано авторской печатью (*χαρακτήρ*)...» [5, с. 23–28].

Индивидуальны, “запечатаны авторской печатью” также и тексты философии: «Феномен стиля, в принципе отличимого от “мысли”, однако тесно с ней связанного, позволяет за понятийной работой уловить ее личностные, экзистенциальные параметры: человек так или иначе прорывается через все апории, фиксируемые мыслью, он их снимает, – хотя бы отчасти, хотя бы на время» [3, с. 20]; “Философский текст всегда экзистенциален, связан с жизнью того, кто пишет” [2, с. 17].

Свою “авторскую печать” поставили на русском тексте “Философии имени” философ, богослов, экономист, публицист Сергей Николаевич Булгаков (1871, г. Ливны – 1944, Париж) и на тексте переводном – один из видных представителей русской эмиграции “первой волны” во Франции

второй половины XX века, крупный православный теолог и профессиональный переводчик князь Константин Ясеевич Андроников (1916, Петроград – 1997, Париж).

С.Н. Булгаков родился в семье сельского священника, учился в духовной семинарии, классической гимназии, увлекался марксизмом, окончил Московский университет, преподавал политическую экономию, был профессором, депутатом II Государственной Думы, в 1918 г. принял священство. В монографиях “Философия хозяйства” (1912) и “Свет Невечерний” (1917) он наметил “основы собственного учения в русле софиологии Владимира Соловьёва и Павла Флоренского, однако вобравшего и заметное влияние позднего Шеллинга, а также ряд собственных идей, питаемых интуициями православной религиозности” [6]. В Крыму в годы Гражданской войны написал работы “Философия имени” (1920) и “Трагедия философии”. 30 декабря 1922 г. он отправился из Крыма сначала в Константинополь, потом в Прагу, где стал профессором церковного права и богословия в Русском научном институте. С 1925 г. и до своей кончины отец Сергей работал в Париже, являясь бессменным главой Православного богословского института и профессором кафедры догматического богословия.

Исследователи творчества философа подчеркивают: “О. Сергей был писателем плодовитым и одаренным; ему, как и вообще русской душе, щедро была отпущена любовь и живая чуткость к прекрасному, художественная восприимчивость <...>. Труды его написаны с большим стилистическим мастерством, отличаясь чистотой и искренностью тона, порой эмоциональностью и, при всей учености, полной свободой от сухого академизма” [7, с. 84]. С.С. Аверинцев также отмечает: “Как известно, Булгаков вообще – автор чрезвычайно эмоциональный <...>” [8].

Над “Философией имени”, своей “самой философской книгой” (так писал о ней ученик отца Сергея Лев Зандер, редактор ее первой и на несколько десятилетий единственной публикации 1953 г. в парижском издательстве IMCA-PRESS), С.Н. Булгаков работал в то время, когда в русской философии “проблема слова считалась едва ли не основной проблемой мировоззрения” и интерес к ней особенно обострился «в связи с “афонским спором” об имени Божиим, когда вопрос об онтологической природе слова оказался в центре дискуссий и охватил не только церковные круги России, но и получил большой резонанс в среде светской интеллигенции. <...> Полемика постепенно разворачивалась вокруг вопроса о том,

каково соотношение между личностью и ее именем, вопроса, который своей основой предполагал решение проблем существа имени и природы слова» [9, с. 206]. Современные исследователи отмечают, что «философский анализ имяславия остается сегодня одной из самых назревших и актуальных проблем» [10].

Текст-оригинал «Философии имени» обладает многими свойствами, характеризующими русские философские тексты XX века [11], в том числе экспрессивностью: «Экспрессивность, присущая большому количеству русских философских текстов, как и сам принцип приятия философским текстом экспрессивно-оценочных приемов, в какой-то мере сближают философские тексты с художественными и еще раз свидетельствуют о том, что философские тексты нельзя считать подвидом научных текстов» [11, с. 22]. В оригинальном тексте «Философии имени», как представляется, нашло свое отражение то, что русская философская культура «по разным причинам сложилась в преимущественной или даже исключительной ориентации на платонизм», который «веками доминировал в школьном преподавании и определял лицо всей нашей публицистики и в основном также философии <...>» [4, с. 175–176]. Французский же текст «Философии имени», изданный в 1991 г., думается, может служить иллюстрацией того, что «на Западе несколькими волнами, соперничая на равных с платонизмом, аристотелевский реализм прорабатывался и внедрялся на протяжении веков <...>» [4, с. 175–176].

К.Я. Андроников, привезенный во Францию в возрасте четырех лет, окончил английский и французский коллежи, парижский лицей, Сорбонну, в 1939–1940 гг. служил в военной авиации, во время оккупации Парижа учился в руководимом С.Н. Булгаковым Православном богословском институте, получил диплом теолога, в 1979 г. стал доктором теологии. Он – автор нескольких книг и многих статей по теологии. В 1941–1942 гг. К.Я. Андроников, прекрасно знавший, кроме французского, русский и английский языки, начинает переводить тексты Д.С. Мережковского, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, сам пишет стихи (по-французски и по-русски) и прозу (в 1946 г. публикует под псевдонимом полицейский роман), преподает французскую литературу, теологию. Работает в МИДе Франции, переводит на всех международных дипломатических конференциях и встречах на уровне министров и глав государств, затем становится единственным официальным переводчиком министерства, участвует со стороны Франции во всех политических

встречах глав государств, министров. В 1953 г. К.Я. Андроников был одним из создателей и до 1963 г. действующим председателем Международной ассоциации синхронных переводчиков, преподавал устный перевод [12] (с некоторыми деталями профессиональной жизни Андроникова также можно познакомиться в работах [13; 14]).

Теологическая образованность и собственное теологическое творчество, великолепное знание русского языка, писательский талант, желание донести до франкоязычного читателя русские интеллектуальные достижения – всё это дало возможность К.Я. Андроникову осуществить, может быть, самое важное – сделать колоссальный по объему перевод на французский язык богословских и религиозно-философских текстов о. Павла Флоренского, о. Василия Зеньковского, Николая Бердяева, он перевел также работы о. Александра Шмемана, Георгия Флоровского, Г.П. Федотова, А.В. Карташова и, судя по приведенной библиографии (см. [12, р. 101–109]), 20 произведений о. Сергия Булгакова. Тома переводов «стали бесценным подарком западноевропейскому богословию. Им был проделан труд огромный, но не принёсший видимо-ощутимого признания, выраженного в орденах и медалях, ни в конвертируемой валюте, но все это свершалось Константином Ясеевичем «на общественных началах» с христианской надеждой принести пользу и знания другим» [15].

К.Я. Андроников, несомненно, ясно понимал, каков его читатель (таким читателем, прежде всего, был он сам), чем этот читатель отличается от читателя произведений русской религиозной философии начала века, каков должен быть французский текст для того, чтобы с ним стал знакомиться и постигать глубины русской религиозно-философской мысли образованный, привыкший к картезианской ясности и отчетливости франкоязычный читатель конца XX – начала XXI в. Иначе говоря, у него был образ адресата, которому обычно «автор приписывает внешнюю локализацию в пространстве и времени, а также внутренние (индивидуальные и социальные) признаки, среди прочего языковые, такие как степень владения языком и функциональными стилями, условностями жанра, степень терпимости к неряшливости речи, способность воспринимать речь небуквально и т.п.» [16, с. 376]. Известно, что «обработка речи происходит под давлением фактора адресата (особенно адресата-анонима)» [17, с. 359].

Именно представление об адресате привело Андроникова к необходимости прежде всего из-

менить структуру французского текста книги по сравнению с текстом русским, и, как показано нами далее, при этом он как будто следует тем советам, которые сейчас даются “строителям” web-сайта, его навигационной системы – необходимо учитывать как смысловое, так и визуальное удобство работы с информацией [18].

Андроников делит каждую главу книги на части, которым в соответствии с ее содержанием сам дает названия-подзаголовки (их совокупность представляет проблематику этой части) и включает их в оглавление (навигационную систему книги), причем в самом тексте эти названия напечатаны курсивом и таким образом намеренно отделены от авторского текста. Так, глава IV (из которой далее приведены начальные строки и их перевод) имеет следующие подзаголовки, созданные переводчиком на основе глубокого анализа смысла текста: *Les philosophes et le verbe; Le Verbe et le langage; Le vide et le sensé; Le trouble psychologique; Adéquation et véridicité; Expérience et dénomination; Forme et beauté; Art et parole; Poésie et magie; L'énergie des mots; L'inspiration*. Отметим, что такого рода работу мог сделать лишь образованный теолог, причем сделать обратный перевод подзаголовков можно только при опоре на текст самого С.Н. Булгакова, например, для IV главы это: *Философы и слово; Слово и язык; Пустословие и полнословие; Психологическое вырождение речи; Точное соответствие и достоверность; Опыт и именование; Форма и красота; Искусство слова и магия; Энергия слов; Богородство слова*.

Другой особенностью структуры переводного текста является дополнительное (по сравнению с текстом-оригиналом) деление на абзацы. Что касается приведенного ниже фрагмента, то переводческий “разрез” и рождение нового абзаца осуществлены после слов *что есть бытие до слова* (интересны в этом фрагменте и другие особенности перевода – в частности, подзаголовков, выделение слов курсивом):

«IV. Язык и мысль.

Проблема Канта об основах опытного познания, о природе эмпирического познания, в котором сочетаются элементы общеформальные и конкретные, разрешается языком в том смысле, что всякий опыт стремится, расчлняясь, выразиться в слове, а слова сами собой принимают форму суждения, суждения же оформляются категориями (включая сюда пространственность и временность). Слова-идеи выделяются из того,

что они собой выражают, таинственным, неизреченным актом. Слова рождаются в недрах человеческого сознания как голоса самих вещей, о себе возвевающие, отнюдь не “субъективные” (хотя и могут быть субъективно окрашены), но общезначимые, которые поэтому и могут быть сообщаемы, обладают качеством общепонимаемости. Последним элементом сознания, в который упирается анализ Канта, является немая, “субъективная” чувственность, которая неизвестно каким образом внедряется в познание, составляя в ней тяжелый, неразложимый, алогический груз. От этого-то груза впоследствии и стремятся отделаться по-своему – Гегель, по-своему – Коген. Последним элементом познания, в который упирается наш анализ, есть рождение слова и идеи из того, что не есть слово-идея (хотя и не есть одиозная “чувственность”), что есть бытие до слова. Поистине, в каждом самом элементарном акте познания – именовании мы присутствуем при великой и священной тайне творения человека по образу триипостасности: из недр бытия рождается слово и это слово опознается не как придуманное, извне принесенное, но рожденное самой вещью, ее выражающее. Поэтому вслед за различением, сопровождающим рождение слова, следует синтетическое сознание того, что это и есть то, именование, суждение, познание» [19, с. 99].

«IV. Le langage et la pensée

Les philosophes et le verbe

Quelles sont les bases de la connaissance expérimentale, quelle est la nature de la connaissance empirique ou des éléments formels généraux se combinent avec des éléments concrets? Ce problème de Kant, la langue le résout en ce sens que toute expérience tend à s'exprimer par la parole en se décomposant en facteurs, tandis que les mots prennent d'eux-mêmes la forme d'un jugement et que les catégories (y compris celles d'espace et de temps) informent les jugements. Les mots-idées se dégagent de ce qu'ils expriment, par un acte mystérieux. Les mots naissent dans les profondeurs de la conscience humaine comme les voix des choses elles-mêmes qui s'annoncent, non pas “subjectives” (encore qu'elles puissent avoir une tonalité subjective), mais signifiantes, communicables, communément compréhensibles. Le dernier élément de la conscience, auquel bute l'analyse de Kant, est une sensibilité muette, “subjective” qui, – on ne sait comment, – va s'insérer dans la conscience pour y constituer une charge pesante, irréductible, alogique.

C'est de cette charge que chercheront à se débarrasser, chacun à sa manière, Hegel et Cohen. Le dernier élément de la connaissance, contre lequel notre analyse s'appuie, est la naissance du mot et de l'idée à partir de ce qui *n'est pas* mot-idée (mais qui n'en est pas pour autant la "sensibilité" haïssable !) c'est l'être *d'avant* le mot.

En vérité, à chaque acte élémentaire de connaissance-dénomination, nous assistons au mystère grand et sacré d'une création à la ressemblance de la tri-hypostasie: au sein de l'être, un vocable naît. Et il est reconnu comme un nom, lequel n'est pas inventé, apporté de l'extérieur, mais engendré par la chose même et qui l'exprime. Aussi la distinction qui accompagne la naissance d'un vocable est-elle suivie de la conscience synthétique de ce que c'est bien cela : dénomination, jugement, connaissance » [20, p. 113].

Несмотря на то, что в тексте-оригинале, конечно же, деление на абзацы имеется, но здесь наряду с абзацами "нормальных" размеров есть и такие, которые занимают не одну страницу. Это обусловлено, скорее всего, непостоянной историей создания книги, отсутствием возможности у самого С.Н. Булгакова сделать окончательную редакцию своего текста. Об этом в своем предисловии к первой публикации пишет Лев Зандер: «Post-scriptum к "Философии имени", написанный к 1942 г., свидетельствует <...> о том, что проблема эта оставалась для о. Сергия живой до конца его жизни. И издание этой книги было его горячим желанием, каковое, однако, постоянно должно было отсрочиваться исполнением других, еще более важных задач. Эти задачи не дали о. Сергию возможности придать "Философии имени" окончательную форму <...>» [19, с. 389]. И К.Я. Андроников смело "разрезает" весь текст учителя на абзацы: так, в оригинальном тексте IV главы – 43 абзаца, а в переводе их 123. Это создает в переводе более рельефный, чем в оригинале, смысловой "рисунок", формирует ощутимый абзацный ритм, придает информационной структуре текста большую динамичность.

Также достаточно свободно, иногда просто виртуозно, но, никогда не греша против смысла, К.Я. Андроников обращается с тем, из чего абзац построен – с предложением. Например, из первого русского предложения приведенного выше фрагмента создаются два французских, причем первое представлено в виде "заостряющих внимание" читателя двух вопросов. В результате перевод получается более объемным, но, как представляется, яснее передающим мысль автора; подобным же образом поступает переводчик и с предложением,

которое начинается второй (во французском тексте) абзац IV главы.

Нередко также из одного русского предложения, причем не обязательно очень объемного, формируются три французских, и это, как и "абзацная революция", способствует преодолению очевидной информационной статичности оригинала:

"Это и есть идеализированная материя, просветленная формой, причем идеальное самобытное бытие формы осуществляется именно в действии, т.е. воплощаемости, почему и нельзя говорить о бесплотной форме, отвлекаясь от того, что она формирует" [19, с. 16]. / "C'est de la matière idéalisée, illuminée par une forme. Or l'être idéal et autonome de la forme se réalise justement par son action, c'est-à-dire par le fait qu'elle s'incarne. Aussi est-il impossible de parler d'une forme sans chair ni de l'abstraire de ce qu'elle informe" [20, p. 14].

"Слова рождаются, а не изобретаются, они возникают ранее того или иного употребления, в этом все дело" [19, с. 19] / "Or les mots naissent, ils ne s'inventent pas. Ils apparaissent avant telle ou telle utilisation. Toute la question est là" [20, p. 17].

Что же касается выбора лексических единиц, то подход переводчика остается таким же, как и в случае с более крупными единицами текста – прежде всего, ясно и отчетливо передать их смысловое наполнение, и именно поэтому, например, в процитированном выше фрагменте IV главы переведены на французский язык все три русских прилагательных (*тяжелый, неразложимый, алогический груз*), и, для снятия тавтологии, только одно прилагательное, первое, в словосочетании *таинственным, неизреченным актом*.

Приведем еще один пример того, как Андроников, будучи образованным носителем, прежде всего французского языка (несмотря на свой билингвизм и даже трилингвизм), т.е. языка с почти четырехсотлетней традицией нормализации, обращается с русскими прилагательными, являющимися для рефлексии над языком француза семантически "пустыми", поскольку основное значение прилагательного входит в значение существительного, с которым это прилагательное употребляется: "<...> *такая, действительно, имябожническая формула означала бы не только хульную ересь, но и полную бессмыслицу*" [19, с. 174] / "Une telle formule effectivement onomatolâtre correspondrait non seulement à une hérésie, mais encore à un non-sens" [20, p. 206]. Для французского книжного, литературного языка (français littéraire) *хульная ересь* и *полная бессмыслица* – невозможные словоупотребления, так

как ересь всегда является хульной и нехульной не бывает, ибо в этом случае перестает быть ересью, а бессмыслица – всегда полная по определению (“неполная” бессмыслица уже не является бессмыслицей). Поэтому Андроников не переводит эти прилагательные: у него *хульная ересь* – это *une hérésie*, а *полная бессмыслица* – *un non-sens*. Подобным же образом он действует и в том случае, когда в русском тексте встречается такое словоупотребление, как *специфическая особенность (рассматриваемого случая)* [19, с. 175] – в переводе только *la spécifité (du cas donné)*, поскольку особенность неспецифической не бывает [20, р. 206].

И, конечно же, нельзя не обратить внимания на перевод К.Я. Андрониковым самого названия книги, на добавленное *du verbe* – “Философия имени” превращается в “*La philosophie du verbe et du nom*”, потому что *В начале было Слово* (Евангелие от Иоанна) по-французски звучит как *Au commencement était le verbe*.

Как представляется, отмеченные изменения были необходимы для того, чтобы внести динамику в информационную структуру текста книги, избавиться от некоторых странных для рефлексирования над языком француза словоупотреблений и тем самым облегчить франкоязычному читателю восприятие не самого простого произведения русской философской литературы XX в. Эти изменения стали возможны как благодаря мастерству переводчика-теолога, так и из-за особенностей оригинального текста. Кроме того, сама возможность такого переструктурирования косвенно подтверждает справедливость утверждения филологов [11; 21] о том, что русский философский текст прошлого века вряд ли можно полагать подвидом научных текстов и антиподом текста художественного, хотя с этим утверждением не всегда согласны философы [3, с. 370–371].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономова Н.С. Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров / М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 503 с. (Российские Пропилеи).
2. Автономова Н.С. Познание и перевод. Опыты философии языка М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. 704 с.
3. Автономова Н.С. Философия языка Жака Деррида. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2011. 510 с. (Российские Пропилеи).
4. Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература / Ответственный редактор и составитель О.Е. Лебедева. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2010. 406 с.
5. Аверинцев С.С. Греческая “литература” и ближневосточная “словесность” (противостояние и встреча двух творческих принципов) // Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа “Языки русской культуры”, 1996. С. 13–75.
6. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/author/55>
7. Хоружий С.С. Булгаков Сергей Николаевич // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940) / Том I. Писатели русского зарубежья. М.: “Российская политическая энциклопедия” (РОССПЭН), 1997. С. 82–84.
8. Аверинцев С.С. “Две встречи” о. Сергия Булгакова в историко-литературном контексте // С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения. М.: Русский путь, 2003. [Электронный ресурс] / С.С. Аверинцев. www.rp-net.ru/book/articles/materialy/bulgakov/#Содержание.
9. Безлепкина Н.И. Философия языка в России. К истории русской лингвофилософии. Изд. 2-е, доп. СПб: “Искусство–СПБ”, 2002. 270 с.
10. Хоружий С.С. Имяславие и культура Серебряного века: феномен московской школы христианского неоплатонизма // С.Н. Булгаков: Религиозно-философский путь: Международная научная конференция, посвященная 130-летию со дня рождения. М.: Русский путь, 2003. [Электронный ресурс] / Хоружий С.С. – www.rp-net.ru/book/articles/materialy/bulgakov/#Содержание.
11. Азарова Н.М. Язык философии. Типологический очерк языка русских философских текстов XX в. М.: Логос / Гнозис, 2010. 228 с.
12. L’Oreille du Logos. In memoriam Constantin Andronikof. Lausanne : Editions l’Age d’Homme, 1999, 175 p.
13. Голубева-Монаткина Н.И. Русская эмигрантская речь во Франции конца XX века. М.: Едиториал УРСС, 2004. 480 с.
14. Голубева-Монаткина Н.И. Русский переводчик французских президентов // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2012, № 1. С. 23–30.
15. Кривошеин Н.И. Памяти Константина Андроникова. К сороковому дню кончины // Русская мысль, № 4193, 16–22 октября 1997 г.
16. Демьянков В.З. Образ адресата // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под общим руководством Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева. М.: Изд-во “Флинта”; Изд-во “Наука”, 2003. С. 376–377.
17. Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Том 50, № 4, 1991. С. 356–367.

18. *Страшко Александр*. Руководства и секреты Web-технологий. [Электронный ресурс] // *Александр Страшко*. - [www.web.starport.ru / usability / pg0_9.php](http://www.web.starport.ru/usability/pg0_9.php).
19. *Булгаков С.Н.* Философия имени // *С.Н. Булгаков*. Первообраз и образ: сочинения в двух томах. Т. 2. СПб.: ООО "Инапресс", М.: "Искусство", 1999. С. 13–181.
20. *Père Serge Boulgakov*. La philosophie du verbe et du nom. // *Père Serge Boulgakov*; trad. du russe par Constantin Andronikof. – Lausanne : Editions l'Age d'Homme, 1991. 252 p. [Collection SOPHIA – Pensée et Religion. Dirigée par Constantin Andronikof].
21. *Азарова Н.М.* Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст): Монография. М.: Логос / Гнозис, 2010. 496 с.